

имперской идеологии. Авторы едины во мнении о добровольном характере принятия присяги, о номинальном характере подданства казахов. Изучая причины принятия подданства, авторы выделяют внешнюю угрозу, внутреннюю политическую нестабильность, личные планы хана Абулхаира. Для политического портрета хана характерно негативное описание.

Проблема различного понимания подданства казахами и российской администрацией появится в более поздний период. Заслуга дореволюционной историографии в том, что она накопила большой фактологический материал. П.И. Рычков, А.И. Левшин, И. Казанцев были представителями пограничной администрации, и собранный ими материал стал основой для следующего поколения историков, изучавших казахскую Степь XVIII–XIX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867.
2. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 2. Оренбург, 1901.
3. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

4. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсаких, орд и степей. Алматы, 1996.

5. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.

6. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России Оренбургского ведомства, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб., 1865.

7. Красовский М. Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба Т. 1. СПб., 1868.

8. Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 12. Оренбург, 1897.

9. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. СПб., 1915.

10. Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900.

11. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890.

12. Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867.

13. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.

THE HISTORIOGRAPHY OF THE KAZAKHS' JUNIOR HORDE INCORPORATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE (THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD)

© 2016

G.B. Izbassarova, candidate of history sciences, associate professor,
doctoral candidate of History of Russia of XIX – Beginning XX Centuries Department
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Abstract. The Kazakhs' Junior Horde, due to external – internal political reasons was the first one who became the part of Russian Empire. Chinggizid Abulkhair was an initiator of the Kazakh society incorporation into the structure of the Russian Empire. The aggravation of the Kazakh-Bashkir, Kazakh-Kalmyk, Kazakh-Dzungar relations leads to a search for a strong overlord. At the beginning of the 18th century, after the Prut campaign, the interests of the Russian Empire moved from the Black Sea to Asia, which is south-east direction.

Formation of the imperial concept, change in the concept of Russia's historical mission on the international scene forms new strategic and political aims of the Russian Empire. The Academy of Sciences founded in 1724 by the emperor Peter I as well as representatives of local administrations started to explain to the Russian public the «acquisition of new lands» policy. The reflection of this event to the Russian historiography of the XVIII–XIX centuries is studied in this article. The attention is paid to the study of a concept of citizenship, an interpretation of its character, assessment of the Kazakh khan Abulkhair, the accession initiator by pre-revolutionary historiography representatives. The article considers views of P.I. Rychkov, A.I. Levshin, who are for the first time in their writings, on the basis of archival, authentic sources, gathered a wealth of factual material, scientifically substantiated opinions on the issue of incorporation.

Keywords: incorporation; Russia's historical mission; empire; the Kazakhs' Junior Horde; pre-revolutionary historiography; Orenburg region; Abulkhair Khan; P.I. Rychkov; A.I. Levshin; I. Kazantsev; I. Kraft; A. Dobrosmyslov; Peter I; external threat; internal political struggle in the Steppe; Khiva; A. Tevkelev's mission.

УДК 94

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМ» В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

© 2016

П.Н. Мухатаев, аспирант кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения
Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматривается разнообразие значений понятия «социал-дарвинизм», начиная с конца XIX века, когда этот термин только начал использоваться в научных кругах, и на протяжении всего XX – начала XXI века. Автор исследует историографию вопроса о влиянии работы Чарльза Дарвина «Происхож-

дение видов» на возникновение и развитие идеологии социального дарвинизма. В работе предпринимается также попытка осмысления вклада Герберта Спенсера как основателя социального дарвинизма в становление и развитие данного понятия и социал-дарвинистской идеологии в целом. Представляется сравнительный анализ употребления понятия «социальный дарвинизм» в русскоязычном и англоязычном языковых пространствах. В статье выделяется несколько периодов исследования феномена социального дарвинизма, а именно дореволюционный, советский и российский. Каждый, по мнению автора, имеет ряд особенностей, которые непосредственно влияют на образ и понимание социал-дарвинизма. В статье рассматриваются интерпретации понятия «социальный дарвинизм» в контексте масштабных политических изменений, научных открытий, культурных преобразований в XIX, XX и начале XXI веков. Автор делает попытку осмысления такого неоднозначного феномена в истории общественной мысли, как социал-дарвинистская идеология, сквозь призму эволюции интерпретации понятия социал-дарвинизм.

Ключевые слова: Г. Спенсер; У. Самнер; Дж. Ходжсон; Р. Хофстедтер; М. Хокинс; Т. Мальтус; А. Лория; П.И. Новгородцев; В.А. Вагнер; П.А. Кропоткин; А. Новиков; М.М. Ковалевский; Н.И. Кареев; Н.К. Михайловский; В.В. Согрин; М.А. Валов; А.Б. Гофман; естественный отбор; борьба за существование; милитаризм; социал-дарвинизм.

Понятие «социал-дарвинизм» имеет более чем столетнюю историю употребления термина в научных дискуссиях и довольно серьезный разброс в интерпретации данного феномена и понятия в истории общественной мысли. Это связано, конечно, с историческими условиями использования термина, преобладавшими в тот или иной период идеологическими установками, социально-политической обстановкой и т.д.

Интересно отметить, что с конца XIX века использование этого термина было частотным в основном в континентальной Европе, тогда как в англо-американских журналах, за некоторым исключением, до 30-х годов XX века использование этого понятия было ничтожно редким. Данный термин входил в оборот у представителей социализма, анархизма и даже пацифизма, что, конечно, может вызвать недоумение у современного исследователя данного феномена в истории общественной мысли [1, р. 439]. Данное обстоятельство делает необходимым исследование в данном направлении, которое систематизирует и обобщит разрозненные исследования и данные о таком неординарном феномене, как социал-дарвинизм.

Целью данной статьи является анализ интерпретации понятия социал-дарвинизм в русском и английском языковом пространствах с конца XIX века до наших дней в трудах крупнейших ученых, так или иначе занимавшихся проблемой данного феномена.

В русском языковом пространстве понятию социал-дарвинизм и феномену экстраполяции законов биологии на социальную действительность уделялось немалое внимание. Одним из первых феноменом социал-дарвинизма занимался мэтр отечественной социологии и экономики Яков Александрович Новиков. Именно этот автор чаще всего, наряду с Петром Алексеевичем Кропоткиным, упоминается зарубежными исследователями феномена социал-дарвинизма [1; 2].

Некоторые исследователи называют Новикова социал-дарвинистом, что, на наш взгляд, является серьезным заблуждением [3, с. 87]. Я.А. Новиков посвятил социал-дарвинизму статью с одноименным названием, в которой дал оценку данному феномену. «После появления на свет знаменитой работы Чарльза Дарвина, – отмечал Новиков, – дарвиновские принципы были немедленно приложены к объяснению явлений природы к астрономии... даже к социологии... и это применение их оказалось плодотворным: оно обновило науку... но дело не обошлось без крайности...» [4,

с. 127]. Не отрицая наличия борьбы как одного из основополагающих принципов развития в разных научных дисциплинах, в том числе и социологии, Новиков критикует прямые аналогии биологической борьбы и социальной. «...Природа полна вечной повсеместной борьбы, но формы этой борьбы видоизменяются по мере перехода от одного разряда явлений к другому ... борьба в животном мире отличается от борьбы химических частиц. Точно так же и общественная жизнь имеет свои собственные, специальные формы борьбы... изобретения и критические исследования [4, с. 129]. Данные формы борьбы, по мнению ученого, качественно отличаются от тех форм, которые существуют в животном мире, и, следовательно, говорить об их тождестве неуместно. Критические исследования и изобретения ведут к экономической конкуренции. Эта форма борьбы, по мнению Я.Н. Новикова, существенно отличается от примитивного уничтожения представителей одного и того же вида. Таким образом, ученый, критикуя дарвинистов за их биологический редуционизм, дистанцирует себя от них, заявляя, что «борьба при помощи биологических средств (убийство и грабеж или, другими словами, смерть мгновенная или длительная) может совершенно исчезнуть из нашего рода... и если что-нибудь способно привести человечество к застою и вырождению, так это исчезновение интеллектуальных форм борьбы, а не исчезновение биологических форм» [4, с. 131]. Новиков обращает наше внимание на тот факт, что формы социальной борьбы суть психологические феномены, а также на то, что в обществе большее значение имеет согласие граждан по различным жизненно важным вопросам, нежели превалирование разногласий. Также первичную роль в развитии общества, по мнению ученого, играют мирные взаимоотношения людей, их кооперация. А борьба индивидов заключалась в конкуренции в различных сферах посредством «изобретений и критических исследований» [4, с. 132, 134].

Таким образом, русский ученый определяет социальный дарвинизм как процесс биологической борьбы, который без всяких перемен входит в область социологии, но при этом Яков Александрович не поддерживает идеи социал-дарвинистов. Я.А. Новикова, по нашему мнению, нельзя отнести к группе сторонников социал-дарвинизма. Нашу оценку работ Новикова подтверждает английский специалист Джофри Ходжсон, который находит схожие заблуждения в англоязычной языковой среде [1, р. 445].

Другой русский ученый, Максим Максимович Ковалевский, считал, что «дарвинисты в социологии» сводят «все причины поступательного хода развития человечества к одной борьбе за существование» [5, с. 111]. Ковалевский отмечал, что необходимо разделять учение Чарльза Дарвина, с одной стороны, и экстраполяцию идей Дарвина на социальную действительность – с другой. По мнению ученого, многие социологи слишком узко интерпретировали идеи английского натуралиста, сводя взаимоотношения индивидуумов лишь к борьбе за существование. Тогда как в действительности Дарвин, наравне с борьбой за существование, выделял и другие потребности человека (половой инстинкт, забота о подрастающем поколении и т.д.). М.М. Ковалевский соглашается с другим крупным ученым своего времени (о котором будет сказано ниже) П.А. Кропоткиным в том, что взаимопомощь является таким же законом существования индивидов, как и борьба [5, с. 111–112].

Спенсер, согласно интерпретации Ковалевского, хотя и причислялся к «дарвинистам в социологии», достаточно серьезно выделялся в числе специалистов, проводивших аналогии общества с живым организмом.

Таким образом, социал-дарвинизм, или «дарвинизм в социологии», как его называл М.М. Ковалевский, определялся как экстраполяция дарвиновской идеи борьбы за существование на общество. Наряду с этим определением М.М. Ковалевский выделял взгляды английского социолога Г. Спенсера, что говорит об английском ученом как о более масштабном феномене в истории общественной мысли, нежели просто социал-дарвинисте.

Схожую позицию занимает другой классик отечественной истории и социологии – Николай Иванович Кареев. Кареев разделяет «органическое» и «дарвинистическое» направления в развитии социологии. При этом он относит Герберта Спенсера к «органическому» направлению. «Дарвинистическое» направление характеризуется русским ученым как перенесение основных биологических законов Дарвина на жизнь общества и, прежде всего, борьбы за существование. Что, по мнению Кареева, совершенно не допустимо, так как в обществе параллельно биологическим процессам действуют и играют немалую роль также психологические и социологические [6, с. 70–71]. Наряду с М.М. Ковалевским Н.И. Кареев обособляет научное творчество Г. Спенсера, указывая на его особенности и недостатки. Кареев детально разбирает концепцию общественного развития английского ученого, делая акцент на эволюционной составляющей его видения развития социума, законах интеграции и дифференциации и т.д. Но борьба за существование не указывается Н.И. Кареевым как определяющий фактор в общественном развитии у Спенсера.

Владимир Александрович Вагнер представил другой подход в интерпретации вклада Герберта Спенсера в социал-дарвинизм. В.А. Вагнер считал, что «...первая попытка положить в основу социологии биологические законы принадлежит Спенсеру» [7, с. 3]. По мнению отечественного специалиста, впервые свои идеи о перенесении борьбы за существование и естественном отборе на общество Г. Спенсер

предложил еще в 1851 году в «Социальной статике», тогда как Ч. Дарвин написал «О происхождении видов» в 1859 году. Этот факт, по мнению Вагнера, внес путаницу в работу интерпретаторов социал-дарвинизма, которая заключалась в следующем: «...пятьдесят лет тому назад, как и теперь, повторяя за Спенсером, что естественный отбор покровительствует не наиболее совершенно приспособленным, а «лучшим», многие авторы все еще продолжают думать, что высказывают идеи Дарвина» [7, с. 1–3].

Русский ученый, в отличие от предыдущих авторов, представляет несколько иной подход в интерпретации работ Герберта Спенсера, представляя его в качестве основоположника социал-дарвинизма. Хотя автор и не ставит цели дать определение феномену социального дарвинизма, из его работы мы с точностью можем заключить, что социал-дарвинизм – это экстраполяция законов биологии о борьбе за существование и естественном отборе на развитие общества.

В плеяде ярких дореволюционных исследователей выделяется фигура Павла Ивановича Новгородцева. Он, как и его коллеги, не избежал влияния работ Чарльза Дарвина и Герберта Спенсера. В работе Спенсера Новгородцев выделяет эволюционную теорию развития социума, которая, по его словам, «под влиянием шумных успехов биологии» стала значимой в разных областях знания [8, с. 79]. Отдавая должное английским ученым, П.И. Новгородцев все же определил недостатки в их трудах. У Г.Спенсера, по словам русского ученого, не согласуется общественная теория с его учением об этике, а также слишком большую роль в процессе эволюции играют внешние факторы, воздействующие на индивидов [8, с. 76]. Дарвина он критикует за односторонность в эволюционной теории, которая опирается в основном на идею естественного отбора [8, с. 80–81]. По мнению Новгородцева, Дарвину и Спенсеру недоставало одного очень важного элемента в их теоретических построениях, а именно «первичного жизненного стремления», или так называемой «творческой эволюции», которую чуть позже ввели в научный оборот Уильям Штерн и Анри Бергсон [8, с. 87]. П.И. Новгородцев, как и его коллеги М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев, достаточно высоко оценил вклад в развитие общественных наук труды Герберта Спенсера, но обратил внимание читателя лишь на его эволюционную теорию. Не так просто вычленив из рассуждений Новгородцева его представление о социальном дарвинизме. На наш взгляд, социал-дарвинизм в работах П.И. Новгородцева – это перенесение взглядов Ч. Дарвина со всеми его недостатками, а именно с главенствующим фактором естественного отбора и борьбы за существование в развитии общества, на социальную реальность. Следовательно, русский ученый относился к социал-дарвинизму и его последователям скептически, считая, что им не хватает так называемых «внутренних сил эволюционного движения», предложенных представителями распространенной в то время философской школы «философии жизни».

Еще одним ярким критиком социального дарвинизма является Петр Алексеевич Кропоткин. В своей работе «Взаимная помощь как фактор эволюции», ко-

торой он посвятил целых семь лет своей жизни, Петр Алексеевич, вопреки господствующим представлениям, изложил существенные недостатки эволюционной теории. По его мнению, «закон взаимопомощи» играет одну из решающих ролей в жизни как животных, так и людей. «Признать безжалостную внутреннюю борьбу за существование в пределах каждого вида и смотреть на такую войну как на условие прогресса означало бы допустить и нечто такое, что не только еще не доказано, но и прямо-таки не подтверждается непосредственным наблюдением», – говорит Кропоткин [9, с. 8]. Автор раскритиковал возросшую роль индивидуализма в жизни людей, считая ее необоснованной.

Петр Алексеевич Кропоткин, предлагая по-новому взглянуть на процесс эволюции в животном мире и человеческом обществе, указывал нам на царившие в конце XIX – начале XX века идеи, которыми руководствовались большинство ученых социологов, биологов, историков и т.д. Социал-дарвинисты, по мнению Кропоткина, опирались на принципы индивидуализма и закон естественного отбора как основополагающие факторы развития общественных отношений. Эти взаимоотношения внутри социума для автора были совершенно недопустимы, порочны и тормозили общественное развитие, что определяло отношение П.А. Кропоткина к социальному дарвинизму.

В ряду отечественных ученых, занимавшихся темой влияния открытий в области биологии на социальные исследования, по мнению В.А. Вагнера, одним из первых должно быть, хотя бы хронологически, имя Николая Константиновича Михайловского [7, с. 7]. Суть дарвинизма, по Михайловскому, в двух факторах, которые характеризуют всю органическую жизнь – наследственность и приспособление. Наследственность элемент консервативный, а приспособление – прогрессивный. Борьба за существование, таким образом, согласно Н.К. Михайловскому, это форма, в которой это приспособление осуществляется в дарвинизме [10, с. 166]. Однако ученый резко не соглашается с тем утверждением, что побеждают в этой борьбе именно сильнейшие. Анализируя данные биологии, Михайловский приходит к выводу, что «... победителями в борьбе за существование... будут наиболее слабые и ленивые» [10, с. 167]. Таким образом, согласно автору, понятие «приспособленные» не является синонимом понятию «сильнейшие».

Таким образом, Н.К. Михайловский одним из первых русскоязычных авторов совершил попытку проанализировать влияние дарвиновской теории на современных ему социологов и других ученых. Критикуя дарвинизм, Михайловский выделил его главные черты, которые заключаются в доминировании в жизни общества и мире животных принципов борьбы за существование и выживания сильнейших.

Четырехтомник «История США», последний том которого вышел в восьмидесятых годах прошлого столетия, можно считать неким общим подведением итогов работы советской американистики. Этот фундаментальный труд коллектива авторов, специализирующихся на разных проблемах и временных отрезках американской истории, на наш взгляд, отразил понимание истории США советского времени.

Внешняя политика Соединённых Штатов конца XIX века, по мнению советских историков, опиралась на расистскую идеологию превосходства англосаксонской расы. При этом данные идеи накладывались на установки «исключительности» американского народа и предопределенности американской судьбы, которые укоренились в американском обществе задолго до XIX века [11, с. 157–164]. Внутренняя политика, в свою очередь, основывалась на буржуазных идеях абсолютной свободы в сфере экономики, которые подкреплялись социал-дарвинистскими идеями о естественном отборе и за существование. «Социал-дарвинистские идеи пронизывали все буржуазные общественные науки, проповедовались с кафедр университетов, со страниц массовой печати, подчинили себе буржуазное сознание», – говорится в «Истории США» [11, с. 40]. Очень точная и важная мысль, но развить ее, проанализировать вне контекста классовой борьбы и идеи всемирной социалистической революции советским историкам не удалось.

Российский период развития отечественной американистики ознаменовался отходом от марксистских догм в изучении истории. Один из ведущих современных американистов В.В. Согрин публикует в 90-е годы сразу несколько работ, посвященных развитию общественной мысли в США. В работе «Идеология в Американской истории: от отцов-основателей до конца XX в.» автор достаточно подробно выявил особенности идеологической составляющей американского общества, провел анализ развития общественной мысли в США. Сделанные в работе выводы, по сравнению с советским периодом, отличаются объективностью и охватом самых разных факторов, воздействовавших на развитие общественной мысли в Соединенных Штатах Америки. В работе говорится о возникновении в США в рамках левых идейных течений и влиянии на доминирующую идеологию трех тенденций – революционного социализма, демократического социализма и несоциалистического радикализма. Социал-дарвинизм, по его мнению, стоит «по другую сторону баррикад» и обосновывает позицию консервативной версии либерализма, которая и противостоит всем левым идеологиям [12, с. 109–110].

Другой российский ученый А.Б. Гофман отмечает, что истоки социального дарвинизма необходимо искать не только в теории биологической эволюции, но и в сфере социального знания. По мнению ученого, понятие «борьбы за существование» было заимствовано Дарвином у Томаса Мальтуса, следовательно, говорить о простом заимствовании исследователями этого понятия из биологии неверно. «Теория биологической эволюции в известном смысле лишь актуализировала и вновь обосновала определенную и давнюю традицию социальной мысли», – утверждает Александр Бенционович [13, с. 130].

Социал-дарвинизм, по мнению Гофмана, это «рассмотрение социальной жизни как арены непрерывной и повсеместной борьбы, конфликтов, столкновений между индивидами, группами, обществами, а также между социальными движениями, обычаями, нравами, социальными и культурными типами и т.п.» [13, с. 132]. Предтечей социального дарвинизма А.Б. Гофман называл Т. Мальтуса, а непосредственным вдох-

новителем – Герберта Спенсера. Однако, в отличие от многих интерпретаторов работ Спенсера, Гофман говорил о незаслуженном ярлыке социал-дарвиниста, который ему присвоили многие ученые. А.Б. Гофман высоко оценивал деятельность Спенсера и считал его первопроходцем в области общей теории систем. Сравнивая общественную систему и биологический организм, Г. Спенсер, по словам Гофмана, делал ряд ценных наблюдений, различая распределительную, поддерживающую и регулятивную системы в обществе. Также важным является введение Г. Спенсером категорий «воинственный» и «индустриальный» относительно к типологизации обществ, а также понятий «социальная функция», «социальная структура», «социальные институты» [13, с. 132–133].

Таким образом, А.Б. Гофман утверждает, что социал-дарвинизм привнес в социологию парадигмальные понятия, которые позволили этому комплексу идей взаимодействовать с такими различными идейными течениями, как социальный психологизм, социальный номинализм, социальный реализм, социализм и т.д. Социальный дарвинизм, утверждает ученый, помог по-новому раскрыть конфликтную модель социальных отношений, осознать роль конкуренции в развитии общества и т.д. Кроме того, Гофман отмечает национальную составляющую, которую внесли ученые, будучи представителями разных стран. Так, в США, отмечает ученый, принципы теории эволюции «наложились» на протестантскую религиозную традицию ценности личной свободы, частной собственности и т.п. В Англии эти идеи смешались с идеями мальтузианства и утилитаризма в этике и политической экономии [13, с. 139].

В политической энциклопедии конца позапрошлого десятилетия социальный дарвинизм определяется как «совокупность идеологических течений и концепций второй половины XIX–XX века, распространяющих биологические законы и принципы естественного отбора, борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных на социальную и политическую жизнь» [14, с. 453]. В статье также указывается, что магистральная идея социального дарвинизма заключается в абсолютизации биологических факторов, которые являются ведущими в роли развития политической и социальной жизни социума. Трактование этих факторов, по мнению автора статьи, происходило по-разному и зависело от политических пристрастий интерпретаторов. В настоящее время, согласно статье, идеи социал-дарвинизма признаются несостоятельными и несут лишь познавательный интерес либо используются в междисциплинарных исследованиях в социобиологии [14, с. 453–454].

Одной из самых свежих работ, посвященных феномену социал-дарвинизма, является диссертационное исследование М.А. Валова «Социально-философские основания современного социального дарвинизма». В своей работе автор дает следующее определение социального дарвинизма: «Течение в общественном сознании, возникшее в начале XIX века и являющееся одной из форм биологического редукционизма, которому свойственно сведение законов социальной формы движения материи к факторам биологической эволюции, законам борьбы за существование, есте-

ственного отбора, наследственности и т.д., путем механистического понимания сущности человека и общества. С помощью биологических закономерностей объясняются демографические процессы, культурные и интеллектуальные отличия у представителей различных рас, конфликты в обществе, конкуренция, влияние окружающей среды на экономические и политические изменения, социальная преэминентность и адаптация, прогрессивные и регрессивные тенденции в обществе и другие последствия» [3, с. 93].

Как видно из определения социал-дарвинизма Валова, к авторам, относящимся к социал-дарвинистам, причисляются все, кто хоть как-то упоминает в своих работах об обществе аналогии с биологией и принципы борьбы за существование, начиная с Т. Мальтуса и заканчивая представителями так называемого «Римского клуба».

Таким образом, в русскоязычном языковом пространстве есть давняя исследовательская традиция, которая занималась осмыслением феномена социал-дарвинизма. Начиная с дореволюционного периода, ученые критически отнеслись к идеям экстраполяции законов биологии на социальную действительность, указывая в своем большинстве на недопустимость игнорирования внутри человеческого импульса в социал-дарвинистском учении об обществе. Большинство историков и социологов особо отмечали научное наследие Герберта Спенсера, выделяя его работы, теорию эволюции общества. Такие исследователи, как М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.И. Новгородцев, критиковали социал-дарвинистов, но не относили к ним Спенсера. Я.А. Новиков, П.А. Кропоткин, К.Н. Михайловский никак не характеризовали исследования Г. Спенсера, но серьезнейшим образом критиковали социал-дарвинистское течение в социологии. В.А. Вагнер одним из первых указал на то, что Герберт Спенсер является основоположником социального дарвинизма, что существенным образом выбивает его из числа отечественных авторов указанного периода.

Следующим периодом в интерпретации социального дарвинизма можно обозначить советский. В работах этого периода времени социал-дарвинизм характеризуется как негативное, исключительно буржуазное явление в истории общественной мысли. Герберт Спенсер отнесен к основателям социал-дарвинизма, что указывает на возможное равнение советских авторов на одного из популярнейших исследователей 50-х годов – Ричарда Хофстедтера.

Российский период исследования отличается идеологической индифферентностью. Хотя В.В. Согрин является продолжателем советских традиций в интерпретации феномена социал-дарвинизма, так как его позиция в российский период особой оригинальностью от советского не отличается, но отечественный исследователь обходится без марксистской догматики. Примерно в том же русле дается оценка социальному дарвинизму и в политической энциклопедии, лишь с исключением оценки отдельных ее представителей. Одной из лучших и полных характеристик социологической мысли рубежа XIX–XX веков является работа А.Б. Гофмана. Александр Бенционович Гофман представляет Спенсера как более масштабную фигуру в истории социологии и философии, нежели просто

как социал-дарвиниста. Само же явление социал-дарвинизма внесло, по мнению Гофмана, новые парадигмальные концепты в социологию, которые внесли существенный вклад в развитие различных наук об обществе. Еще одной работой, которая была написана чуть более десятилетия назад, является исследование Максима Александровича Валова. В своей работе автор сделал попытку определения феномена социального дарвинизма и анализа главных представителей данного явления в истории общественно-политической мысли. Стоит отметить, что М.А. Валов в отличие, например, от А.Б. Гофмана возвращается к позициям советских исследователей, характеризующих социал-дарвинизм в сугубо негативном ключе.

Как мы уже отмечали, понятие социал-дарвинизма стало активно использоваться в конце XIX – начале XX века и получило более серьезное распространение сначала в континентальной Европе и только потом в англоязычных странах. Одним из первых, кто откликнулся на растущую популярность этого явления, стал итальянский социолог и экономист Акилле Лориа. Сам Лориа не разделял энтузиазма тех ученых, которые переносили законы биологии на социальную действительность. По его мнению, сравнивать взаимодействие индивидуумов в обществе с борьбой за существование в животном мире неуместно, так как это взаимодействие больше напоминает паразитизм, нежели борьбу за существование, в которой побеждает сильнейший индивид. Таким образом, социальное существование более походит на паразитизм слабейшего за счет сильнейшего [15, с. 27–29].

Социальный дарвинизм, по мнению итальянского ученого, представляет собой амальгаму идей Т. Мальтуса и Ч. Дарвина, которые выражаются в борьбе за существование индивидуумов в условиях ограниченных ресурсов. При этом, говорит Лориа, функции государства сводятся к минимуму, для того чтобы не нарушать ход естественной конкуренции и, следовательно, прогресса [15, с. 24–26].

Акилле Лориа критикует данную схему развития общества, говоря, что даже если когда-то общество и существовало на похожем этапе развития, борьба за существование ничем не ограничивалась, то современное право наследования имущества уничтожает все предпосылки борьбы за существование и выживания сильнейших в современном обществе [15, с. 32]. Более того, последствия наследования, по мнению ученого, самые плачевные, а именно деградация политических и экономических элит вследствие заключений браков по расчету и т.д.

Выходом из складывающейся ситуации А. Лориа считает социальное законодательство. Оно, по его мнению, должно ознаменовать собой торжество справедливости и взаимопомощи, которые укажут Г. Спенсеру и его последователям на неправоту в отношении низших слоев населения, которые если и отстают в своем развитии, то только вследствие экономических, а не биологических причин [15, с. 42].

Одним из значительных, на наш взгляд, исследований современных авторов, является статья английского экономиста Джоффри Ходжсона под названием «Социал-дарвинизм в англоязычных академических изданиях: вклад в историю термина» [1].

В своей работе английский ученый подробно разбирает эволюцию данного понятия в англоязычных изданиях как в Европе, так и в США. Д. Ходжсон, как и в начале XX века В.А. Вагнер, предлагает свою классификацию использования термина «социал-дарвинизм». По мысли автора, использование данного понятия с последней четверти XIX века до 1914 года было нечастым и за некоторым исключением сводилось к критике по отношению к феномену социал-дарвинизма. С 1914 по 1925 гг. употребление термина было «редким и спорадическим». С 1925 года до появления работ Толкотта Парсонса, то есть до 1932 года, этот термин нигде в англоязычных журналах не появлялся. Позже в 1940-е гг. после появления на свет книги Ричарда Хофстедтера «Социал-дарвинизм в американской мысли», по мнению автора, употребление термина начинает расти и, собственно, начиная с этого времени обрастает всевозможными мифами [1, р. 429–431]. Новый виток дискуссий по поводу понятия «социал-дарвинизм» начался после публикации работы Эдварда Уилсона «Социобиология: Новый синтез» 1975 года. Интерес к этой работе, пишет Ходжсон, основан на том, что с ее появлением возобновилась фобия, связанная с социал-дарвинизмом. Следующим этапом в интерпретации феномена социального дарвинизма, по мнению Ходжсона, стал так называемый «ревизионистский» период (1980-е годы), яркими представителями которого являются Роберт Бэннистер, Дональд Беллами и другие. Ревизионисты полагали, что многие идеологические положения, которые были высказаны в разное время, совершенно не соответствуют научной картине социального дарвинизма.

Главная цель данной статьи Д. Ходжсона заключается в характеристике идей тех ученых, которые использовали понятие «социальный дарвинизм» в своих работах, и их интерпретации данного термина. Именно исследование эволюции коннотативного ряда понятия «социал-дарвинизм» выделяет его работу из многочисленных исследований, посвященных влиянию дарвинизма на социальные науки и политические идеологии [1, р. 429].

Д. Ходжсон считает, что многие исследования из наследия социал-дарвинизма опираются на предвзятую оценку этого явления, появившуюся в 1930-е годы и усилившуюся в последующие годы вслед за Второй мировой войной. Ходжсон считает, что табу, наложенное в этот период на междисциплинарные исследования в области социологии и биологии, отразилось практически на всех научных работах последующего периода. Джоффри Ходжсон призывает сбросить навешанные когда-то ярлыки и называть вещи своими именами, без идеологических подоплек [1, р. 451–452].

Как отмечал Ходжсон, работа Ричарда Хофстедтера «Социал-дарвинизм в американской мысли» является классической по данной тематике. Автор причисляет Спенсера к социал-дарвинистам, а социальный дарвинизм, исходя из его рассуждений, это смесь принципов классического либерализма о высшей ценности индивидуализма и индивида, свободной конкуренции в экономике, принципов невмешательства государства и сохранности частной собственности

сти в политике. Обосновывались все эти старые либеральные истины новейшими открытиями биологии и работой социологов, которые способствовали распространению этих идей в учениях об обществе. Главными популяризаторами идей Спенсера в американском обществе конца XIX – начала XX века, по мнению Хофстедтера, были люди консервативных взглядов, а пиком популярности Спенсера Хофстедтер назвал 1882 год, когда английский ученый посетил США [16, р. 47–48]. Но важнейшим элементом работы американского историка, на наш взгляд, являлось то, на что специалисты обычно не обращают пристального внимания, а именно – идея о том, что социал-дарвинизм обладает «двойным потенциалом и, в сущности, является нейтральным инструментом, способным на поддержание противоположных идеологических течений» [16, р. 201]. Это очень интересная, тонкая идея с точки зрения изучения социал-дарвинизма как идеологии, а также возможности конвергенции различных идеологических систем, для которой необходимо отдельное место, но упомянуть о ней, на наш взгляд, необходимо. Из рассуждений автора становится ясно, что социал-дарвинизм является совокупностью идей, которые могут «удобно вплестаться» в различные идеологические конструкции. И Спенсер, по мысли Хофстедтера, подкрепляет лишь одно из многих теоретических построений, которые можно было бы совместить с биологическим редукционизмом.

Одним из значительных исследователей, занимавшихся социал-дарвинизмом в 1970-е годы, был Роберт Бэннистер. Поколение специалистов, работавших в это время, в историографии принято называть «ревизионистским», и не случайно. Р. Бэннистер в своей работе «Социал-дарвинизм. Наука и миф в англо-американской мысли» пытается переосмыслить феномен социального дарвинизма в истории Соединенных Штатов Америки. Бэннистер рассматривает эволюцию интерпретации понятия «социал-дарвинизм» с конца XIX до середины XX вв. «За последние два десятилетия в американских научных кругах, – пишет автор, – назревал пересмотр традиционной точки зрения на понимание сущности социального дарвинизма» [17, р. 11]. Эта мысль исходила из понимания неоднородности интерпретаций социал-дарвинизма и неприятия оценки этого феномена, даваемой Ричардом Хофстедтером в 40-е годы XX века. По мнению Бэннистера, в конце XIX века либерализм переживал кризис, а дарвинизм стал играть важнейшую роль в общественной мысли, оказав на неё влияние по двум направлениям: напрямую – усилив идею о том, что люди должны превосходить природу, а не следовать ее предписаниям, и косвенно – в качестве оружия против невмешательства государства в экономику и т.д. [17, р. 10]. Однако следует отметить, что во втором случае Р. Бэннистер сделал важное уточнение: социальный дарвинизм выступал скорее как социальный миф, нежели как комплекс идей, действительно воздействующих на социальные практики индивидов.

Одной из важнейших современных работ о социал-дарвинизме являлась «Социал-дарвинизм в европейской и американской мысли» М. Хокинса. Хокинс пишет о пяти элементах, из которых складывается понятие «социал-дарвинизм»: 1) биологические зако-

ны, управляющие всей органической природой и человеком как биологическим организмом; 2) рост населения, влияющий на количество ресурсов и порождающий борьбу за существование; 3) физические и психологические особенности, приобретенные своими носителями в этой борьбе и распространяющиеся через наследственность среди всей популяции; 4) последствия отбора и наследственности, с течением времени способствующие возникновению новых видов и исчезновению других. Пятый элемент социального дарвинизма, предложенный Хокинсом, вытекает из первого, а именно: упомянутый выше биологический детерминизм распространяется не только на физические свойства людей, но и на их социальное существование в целом, а также на те психологические свойства, которые играют фундаментальную роль в социальной жизни, например религию и мораль [2, р. 31]. М. Хокинс указывает на то, что социальный дарвинизм был довольно популярной доктриной на протяжении полутора столетий после появления в свет книги Дарвина «Происхождение видов».

Герберт Спенсер, по мысли Хокинса, попытался соединить основные принципы либеральной идеологии и социального дарвинизма. При этом у Спенсера, как пишет английский ученый, возникали некоторые противоречия, которые связаны, с одной стороны, с признанием ключевой роли естественного отбора в обществе и положительного эффекта борьбы за существование. С другой стороны, либеральное представление о саморазвитии и успехе каждого индивида, которое выходит в некоторых работах Г. Спенсера на первый план, противоречит магистральной идее социал-дарвинизма [2, р. 103]. Тем самым, Хокинс возвращает Спенсера в орбиту дискуссий о социал-дарвинизме как одного из самых авторитетных авторов в этом направлении.

Несмотря на то, что мы рассмотрели далеко не полный список работ, касающихся развития понятия «социал-дарвинизм», стало вполне ясно, что данный феномен занимает довольно серьезное место в научной полемике. Сравнивая зарубежных и отечественных авторов, мы можем заключить, что на рубеже XIX–XX веков еще в Российской империи наши ученые исследовали социальный дарвинизм довольно глубоко и тщательно, не уступая, а иногда и превосходя своих западных коллег и количественно, и качественно. Работа Я.А. Новикова, например, на протяжении многих десятилетий является ориентиром для размышлений зарубежных исследователей.

В советский период, по объективным причинам, исследования в данном направлении прекратились, и лишь эпизодически термин «социальный дарвинизм» появлялся в крупных работах, например, в четырехтомнике истории США и т.д. В зарубежной литературе аналогичного периода наблюдался постепенный, за исключением 20-х годов XX века, рост количества работ по данной проблематике. Исследовательский максимум проявился после выхода в свет книги Ричарда Хофстедтера, которая, в свою очередь, выдержала неоднократное переиздание. «Венчают» данный период работы «ревизионистов», которые начинают новый этап в интерпретации социал-дарвинизма, логично дополняемый работами Хокинса и Ходжсона на следующем этапе исследования.

На современном (постсоветском) этапе изучения феномена социал-дарвинизма в России вновь стали появляться работы по данной тематике, которые по-новому освещают предмет нашего исследования. Среди исследований данного периода выделяется работа А.Б. Гофмана, но изучать данный феномен общественной мысли более детально ученый своей целью не ставил. Среди зарубежных авторов следует выделить Джозефа Ходжсона, внесшего неоценимый вклад в историю становления термина «социальный дарвинизм», и Майка Хокинса, опубликовавшего обобщающий труд по социал-дарвинизму.

На наш взгляд, история эволюции термина отражает неоднозначную оценку социал-дарвинистской идеологии в целом. Палитра интерпретаций указывает также на некоторые существенные особенности идеологии. По нашему мнению, эти особенности заключаются в «фрагментарности» данного комплекса идей. Фрагментарность, в свою очередь, обуславливает особенности взаимодействия и конвергенции различных комплексов идеологического спектра. Эта мысль требует отдельного места, подробного анализа ключевых концептов социал-дарвинистской идеологии, контекста и т.д. Следовательно, проведенный анализ понятия «социал-дарвинизм» приводит нас к заключению, что многообразие прочтений одного термина требует анализа социал-дарвинистской идеологии в каком-либо историческом контексте, т.к. данная идеология обладает особенностью конвергенции с другими идеологическими концепциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Hodgson G.M. Social Darwinism in Anglophone Academic Journal: A Contribution to the History of the Term. *Journal of Historical Sociology* Vol. 17 No. 4 December 2004.
2. Hawkins M. Social Darwinism in European and American thought, 1860–1945. Cambridge university press, 1997; Hodgson G.M. Social Darwinism in Anglophone Academic Journal.

3. Валов М.А. Социально-философские основания современного социального дарвинизма: дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2003.

4. Новиков Я.Н. Социальный дарвинизм. Социс. № 6. 2011.

5. Ковалевский М.М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы / Отв.ред., предисл. и сост. А.О. Бороноев. СПб.: Издательство русской гуманитарной христианской академии, 2011.

6. Кареев Н. Введение в изучение социологии. СПб., 1897.

7. Вагнер В. Из истории дарвинизма в социологии. М.: Русская мысль. 1904.

8. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса. 1991.

9. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Редакция журнала «Самообразование», 2011.

10. Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 5. СПб., 1888.

11. История США. Т. 2. / под ред. Г.Н. Севостьянова. Москва: Издательство «НАУКА», 1985.

12. Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX. М.: Наука, 1995.

13. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: учебное пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 1999.

14. Политическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль. 1999.

15. Лория А. Социализм. Социальный дарвинизм. [б.г.].

16. Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. Beacon Press Boston. 1955.

17. Bannister R. Social Darwinism: Science and Myth in Anglo-American Thought. Philadelphia: Temple University Press, 1979.

INTERPRETATION OF THE CONCEPT «SOCIAL DARWINISM» IN WESTERN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE LATE XIX – EARLY XXI CENTURY

© 2016

P.N. Mukhataev, postgraduate student of History, International Law and Foreign of Regional Studies Department
Samara branch of Moscow City Pedagogical University, Samara (Russia)

Abstract. The article discusses various meanings of «social Darwinism» from the late XIX century, when the term began to be used by scientists, to the twentieth – early twenty-first centuries. The author explores the historiography of the question about the influence of Charles Darwin's work «Origin of species» on the emergence and development of the social Darwinism ideology. The author also discusses the question of Herbert Spenser's contribution to the formation and development of this concept and the social-Darwinian ideology in general. The paper contains a comparative analysis of the term «social Darwinism» usage in the Russian and English languages. Several periods of social Darwinism phenomenon research are distinguished: pre-revolutionary, Soviet and Russian. Each of them has a number of features that directly affect image and understanding of social Darwinism. The author considers the interpretation of «social Darwinism» concept in the context of large-scale political changes, scientific discoveries, cultural changes in the nineteenth, twentieth and early twenty-first centuries. The article shows an attempt to interpret the essence of such an ambivalent phenomenon in the history of social thought as social-Darwinist ideology through the research of the evolution of the scholars' interpretation of «social Darwinism».

Keywords: G. Spenser; W. Samner; G.M. Hodgson; R. Bannister; M. Hawkins; T. Malthus; A. Loria; P. Novgorodsev; V. Wagner; P. Kropotkin; A. Novikov; M. Kovalevsky; N. Kareev; N. Mikhaylovsky; V. Sogtin; M. Valov; A. Gofman; natural selection; struggle for existence; military; social Darwinism.